

ОТЧАЯНИЕ И БРАВАДА

Независимая газета, -1998.
— 07. февр. — с. 7

Елена Образцова спела в БЗК программу из песен Роберта Шумана и Курта Вайля

Вадим Журавлев

ПОСЛЕ длительного перерыва в Большом зале Московской консерватории состоялся концерт прославленного дуэта — меццо-сопрано Елены Образцовой и пианиста Важи Чачавы. В свое время этот дуэт открыл для российской публики огромное количество не звучавшей у нас музыки. Но уже давно Образцова не баловала меломанов премьерами, а на этот раз слушателей ожидал сюрприз в виде песен Курта Вайля, которые прозвучали вместе с вокальным циклом Роберта Шумана «Любовь и жизнь женщины». (Образцова не пела его уже много лет, так что это тоже была почти премьера.) Поэтому особенно жалко, что на концерте не было обычного для выступлений Образцовой аншлага. Публика в последние годы, видимо, устала от того, что певица повторяла программы из старинных русских и просто русских романсов (последние — вперемежку с ариями зарубежных композиторов). Те же, кто пришел на новую программу, смогли убедиться, что Образцова еще способна поражать не только своих истовых поклонников. И списывать ее со счетов современной концертной жизни ох как рано.

Вокальный цикл «Любовь и жизнь женщины» на слова Адельберта Шамиссо Елена Образцова и Важа Чачава исполняли двадцать лет назад на летнем фестивале в Зальцбурге. И тот исторический концерт, как свидетельствует история, вызвал слезы великой исполнительницы немецких Lieder Элизабет Шварцкопф. Поверить в это более молодым слушателям всегда было трудно — с тех пор до нас дошла лишь виниловая советская пластинка с неудачной студийной записью. Но концерт в БЗК помог понять, отчего прослезилась Шварцкопф. Прожить целую жизнь за восемь небольших номеров способны только великие певцы. Не обошлось, правда, и без вокальных шероховатостей, которые особенно ощущались во втором номере — «Er, der Herrlichste von allen...». Справедливости ради надо отметить, что в России сейчас вряд ли найдется концертный дуэт, который мог бы так исполнить цикл Шумана. «Женская» история цикла Шамиссо — Шумана — зарождающиеся любви, влюбленность, женитьба, рождение ребенка, смерть мужа — чаще всего превращается исполнителями в «мыльную оперу». Для Образцовой и Чачавы тема постлюди и прелюдии замыкает цикл в кольцо, и даже сияющие солнечными брызгами и радостью первые песни цикла звучат, как воспоминание о минутах счастья. Но на плечах героини Образцовой уже лежит груз пережитого отчаяния, того, что Кьеркегор называл «женст-

венной формой отчаяния-слабости»: «Счастливая женщина, без привязанности, без самоотдачи своего Я, лишена женственности». (Ключевыми для всего цикла в исполнении Образцовой становятся слова из последней песни цикла «Nun hast du mir den ersten Schmerz getan»: «Мир пуст... Я больше не живу... Ты — мой мир!»). Поэтому героиня Образцовой, пережив отчаяние утраты, раскрывает слушателям все свои сокровенные переживания, подобно тому как ворочает стопку пожелтевших фотографий. «Любовь и жизнь для женщины — одно...» Не меньшее удовольствие доставил слушателям Чачава, который сумел не потеряться на фоне своей примадонны. Фортепианная партия у Шумана играет особенно важную роль, и без великолепной, полной романтической образности игры Чачавы «Любовь и жизнь женщины» потеряла бы ровно половину своего звукового мира.

После столь значительного выступления исполнялись еще пять Lieder Шумана («Тихие слезы», «Лотос», «Моя роза», «Лунная ночь», «Посвящение»). Но Образцова, видимо, отдав все силы в начале концерта, уже не смогла вложить жизнь в эти лирические пейзажные зарисовки. Рафинированность шумановской музыки исчез-

ла, и казалось, что спеты они были только для заполнения программы.

Но, как оказалось, главные события были еще впереди. Песни Курта Вайля, соавтора легендарной «Трехгрошовой оперы» Брехта, в последние годы стали невероятно популярны на Западе. Но поднять жанр кабаре-тонных зонгов до уровня академического пения, сохранив при этом особый стиль браводы, кафешантанной двусмысленности, дано, действительно, не каждому. Образцова в большинстве песен находит свой подход к творчеству Вайля. Здесь как нельзя лучше подходит «веристский» талант оперной дивы (вспомним ее изысканную проклятия Сантуцу из «Сельской чести» Масканы), позволяющий с легкостью переходить от пения к декламации и обратно. Очень к месту приходится та составляющая ее голоса, которую враги певицы всегда называли «вульгарностью», а поклонники — «чувственностью». И, наконец, нынешняя вокальная форма певицы как нельзя лучше подходит для песен, в которых главным становится совсем не идеальная вокализация и проблема «переходных» нот. Лучшее всего получаются песни на французском языке, на котором она пела много. Немецкое

произношение, которое в исполнении музыки Шумана, Образцовой лишь вызывает легкое неудовольствие, в песнях Вайля уже сильно хромает (текстов на английском языке это тоже касается). В некоторых песнях она довольно часто пользуется пиано, что чревато потерей стиля и звучит слишком академично.

Герои песен Вайля далеки от романтики, они — просты и бесхитроутны. Куртизанка Нанна (песня на слова Брехта, а потому отчаяние смешано с браводой), горняк из ночной смены. «Там женщины утомлены, а мужчины — грешны», как поется в исполненной «Песне о коричневых островах» (слова Фейхтвангера). Персонажи «оперы нищих» сменяются злободневными сатирами, но вот появляется французская томность, и Образцова в песне «Юкали» переносит зал на крыльях своей царственной интерпретации в эту страну «наших желаний, где растаются саботажники». И уже совершенным шедевром предстает песня «Я не люблю тебя» (слова Магра), в которых отчаяние последнего объяснения в любви внезапно сменяется скрытой браводой: последнее «Je ne t'aime pas» певица произносит с блуждающей улыбкой на устах. И это пройдет!

После концерта Елену Образцову поздравляют друзья и родственники.
Фото Евгения Бурмейстрова